

ним автором и поныне (ср. [17]). Они верифицируются по имеющимся рабочим чтениям различных фрагментов эпиграфики и по ожидаемым аналогиям в порядке следования букв, общим для агванского алфавита с армянским и грузинским. Остальные 20 букв все еще не поддаются идентификации вследствие трудности соотнесения ряда зафиксированных в эпиграфическом материале графем с алфавитными знаками и отсутствия соответствующих сколько-нибудь достоверных чтений (сопоставление фрагментов агванского алфавита из Мингечаура и В. Лабкомахы показывает возможность существенной вариации начертаний графем). В последней связи следует упомянуть и то, что ограниченность известного кавказоведению корпуса агванской эпиграфики не позволяет пока в полной мере опереться еще на один способ верификации фонетических значений букв алфавита, сводящийся к сопоставлению частотности употребления отдельных графем в надписях с соответствующей статистической структурой удинского текста (ранее автору настоящей статьи уже приходилось отмечать бросающийся в глаза параллелизм убывающей частотности гласных а, е, і, о (и ѳ) и и (и ѳ), равно как и наиболее высокую встречаемость сонорных п, ј, г, л и м в агванском и удинском текстах [13, с. 72, 74, 76]).

Бросаются в глаза довольно очевидные типологические параллелизмы, существующие между агванским и обоими другими закавказскими алфавитами — армянским и грузинским (в значительной мере они разделяются, как известно, и другими письменными традициями, сложившимися в христианском мире той эпохи). Одним из них является его буквенный, а не силлабический характер с наличием самостоятельных графем как для согласных, так и для гласных фонем. Второй составляет направление письма слева направо, определяемое здесь как формальными критериями (ср., например, «пробелы» в правой части последних строк надписей, характерный наклон вправо в написаниях букв и т. п.), так и содержательными (ср. отдельные рабочие чтения надписей). Третьим из этих параллелизмов служит характерное написание гласных и и ѳ посредством лигатур, представляющих собой комбинацию типа *ow*. Следующим из них следует считать названия целого ряда букв агванского алфавита, как они даны в обеих армянских рукописях, которые отталкиваются не столько от соответствующих семитских прототипов, сколько от их последующей греческой переработки: ср. *alt*, *bet*, *gim* и др. В специальной литературе отмечена также близость названий ряда агванских букв к их армянским и грузинским соответствиям (одни из них — *šaj*, *čaj*, *soj*, *piwr*, *tiwr* — сближаются с армянскими, другие — *žil*, *jil*, *en*, *kağ*, *un*, *çağ* — с грузинскими; см. [10, с. 132]). Объединяет все три алфавита, наконец, и единая по существу последовательность каркаса букв, дополняемого в каждом из трех алфавитов обозначениями специфических для обслуживаемых ими языков фонем. Уже перечисленных совпадений должно быть достаточно, чтобы прийти к выводу, что и в этом случае мы имеем дело с продуктом деятельности представителей грекофильской школы IV—V вв. (армянская историческая традиция приурочивает, как известно, создание агванского алфавита ко времени правления царя Агвани Арсвагена и епископа Иеремии).

Не приходится удивляться вместе с тем и очевидным расхождением всех трех сопоставляемых алфавитов в способах дополнения общего для них буквенного каркаса. В последней связи А. Г. Шанидзе писал следующее: «...албанцы буквы своего алфавита расположили так, что знаки для специфических звуков размещены среди букв, имеющих соответствия в греческом (т. е. среди букв каркаса. — Г. К.). Благодаря этому албанский алфавит ближе стоит к армянскому алфавиту, нежели к грузинскому (в последнем обозначения специфических звуков всецело отнесены в заключительную часть алфавита. — Г. К.). Эта близость будет еще яснее, если учесть, что буквы V и W у них, как и у армян, стоят непосредственно перед T и T соответственно» [12, с. 42]. Характеризуя порядковую после-